

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СМЕРТЬ ЯЗЫКА – СМЕРТЬ НАРОДА?

ЯЗЫКОВЫЕ СИТУАЦИИ
И ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА
В РОССИИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Ответственные редакторы:
Елена Филиппова и Сергей Соколовский

Москва
Горячая линия – Телеком
2019

УДК 323.1
ББК 66.5(0)
DOI: 10.33876/978-5-9912-0836-9-2019-1-259
С50

Рецензенты: доктор ист. наук, профессор *Д. А. Функ*;
кандидат ист. наук *Е. А. Пивнева*

Авторы:

С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова, И. Л. Бабич, М. Ю. Мартынова,
А. А. Плеханов, Б. А. Синанов, В. А. Тишков, Х. М. Акбаев,
С. В. Галактионов, О. **А.** Подлесных, К. Г. Шаховцов

С50 **Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова, И. Л. Бабич и др.; Отв. редакторы Е. И. Филиппова и С. В. Соколовский. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия – Телеком, 2019. – 260 с.: ил. ISBN 978-5-9912-0836-9**

Коллективная монография посвящена анализу языковой политики и языковых ситуаций в России и сопредельных государствах и рассматривает их динамику в зеркальной оптике: сквозь призму положения языков меньшинств в различных регионах Российской Федерации – Поволжье, Сибири и на Кавказе, с одной стороны, и положения русского языка, имеющего миноритарный статус в сопредельных государствах – Латвии и **Украине** – с другой. Книга написана в жанре этнографии языковой политики, что позволяет выявить различные уровни такой политики – от международного и государственного до низового: локального или семейного.

Для специалистов, политиков, преподавателей и **студентов**, гуманитарных вузов.

ББК 66.5(0)

Утверждено к печати Ученым советом Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Вводная глава, главы 1, 2, 3, 4, 5 и 7 написаны в рамках проекта Российского научного фонда (РНФ) №15-18-00099п

Книга публикуется по результатам работы XIII Конгресса этнографов и антропологов России

ISBN 978-5-9912-0836-9

© Коллектив авторов, 2019

© Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2019

© Издательство «Горячая линия – Телеком», 2019

Глава 8

ЯЗЫКИ ЛАТВИИ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИК КОММУНИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Сергей Владимирович Галактионов, магистрант кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова;
sergalaktionov@gmail.com

Предыстория вопроса

В 1918 г. на сцене Рижского второго театра было провозглашено создание новой, независимой Латвийской Республики. В 2018 г. современная Латвия отмечала свой столетний юбилей, и широкое празднование, включавшее в себя множество мероприятий, посвященных истории страны и её культуре, проходило под девизом «*Es esmu Latvija*», в переводе на русский — «Я — Латвия».

Несмотря на официально принятый курс на историческую преемственность от 1918 до 2018 г., современную Латвию невозможно отделить от её сложного и гетерогенного прошлого. За этот век страна прошла через силовое присоединение к Советскому Союзу в 1940 г., немецкую оккупацию 1941–1944 гг. и восстановление советской власти после 1944 г. В конечном счете *de jure* Латвия вновь появляется на карте мира как независимое государство лишь в 1991 г.

Не столь долгий по историческим меркам советский период в истории страны во многом продолжает определять дискурсивное пространство латвийского общества и те внутренние процессы, которые в нем прослеживаются. Одна из важнейших сфер жизни, в которую плотно вплетены новая и новейшая история страны, — языковой вопрос и связанная с ним языковая политика как на уровне государства, так и на уровне отдельных людей. Безусловно, за годы пребывания Латвии в составе Советского Союза состав её населения изменился по многим критериям, и до сих пор основным из них считалась этническая принадлежность [см.: Этническая политика в странах Балтии 2013]. Мы попытаемся отойти от доминирующего в отечественной

науке этнического подхода к изучению латвийского общества и рассмотреть сложившуюся ситуацию сквозь призму языковых политик и языковых идентичностей. В силу исторических причин, о которых будет сказано ниже, наибольшее внимание уделено латышскому и русскому языкам — именно они не только выполняют в стране роль средства передачи информации, но и становятся инструментом самоидентификации [Rozenvalds 2010]. Основой данной работы стали исследования российских и зарубежных ученых — социологов, антропологов и регионоведов, открытые данные статистики, а также материалы интервью, собранных автором в 2017 и 2018 гг. [ПМА 2017, 2018].

Рассмотрение современного положения языков необходимо предварить кратким историческим экскурсом. Земли современной Латвии, заселенные в Средние века ливскими и балтскими племенами, были впоследствии захвачены немецкими рыцарскими орденами, позднее — Швецией и Речью Посполитой, а в XVIII в. были постепенно введены в состав Российской империи. Россия, властвуя над этими землями, не вмешивалась во внутренние дела Остзейского (Прибалтийского) края, где исторически, еще со времени основания Риги, формирования землевладения рыцарских орденов и появления местного архиепископства, немецкое меньшинство находилось в привилегированном положении по отношению к местным народам [Фейгм не 2000]. В XVIII—XIX вв. среди дворян и мещан этих земель немцы составляли большинство, и потому немецкий язык оставался языком делопроизводства, образования и культуры в трех губерниях Остзейского края вплоть до конца XIX — начала XX в. [там же]. Лишь в последние десятилетия имперского периода латышский и русский языки выходят на первый план: их носители составляют большинство жителей в городах региона [Metuzāle-Kangere, Ozolins 2005]. К этому периоду, с одной стороны, относится деятельность «младолатышей» — национальной интеллигенции, стремящейся к развитию латышского языка в его устной и письменной форме; начинается выпуск первых газет на латышском языке, происходит сбор и запись фольклора, устраиваются первые праздники песни и танца, призванные показать самобытность латышской культуры [там же]. С другой

стороны, во времена правления Александра III имперские власти стремились к укреплению роли русского языка в Остзейском крае — в пику немецкому и латышскому. Среди мер, принятых имперской администрацией, стоит отметить запрет на использование латышского и немецкого языка в школах и гимназиях, а также в официальных бумагах и служебной переписке. Между тем, как показывают исследования, административные меры по повышению роли русского языка не дали серьезных результатов [Пярт 2015]. Проведенная в 1881 г. перепись населения в прибалтийских губерниях Российской империи зафиксировала в Риге 32,3% немцев, 30% латышей, 16,7% русских. Также заметную долю составляли евреи (8,5%) и поляки (8,0%) [М н ков 2016]. Однако согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. около 45% населения города говорило на латышском, более 23% — на немецком, русский язык — язык империи — оказался третьим (почти 16%), идиш — четвертым (6%). По мере роста численности населения главного города будущей Латвии (с 169 тыс. до 282 тыс. между двумя переписями) начал меняться и его состав, что привело к изменению языковой ситуации. Латыши впервые за всю историю становятся численно доминирующей группой в крупнейшем городе края, и это, в купе с деятельностью новой интеллигенции, в конечном счете привело к росту движения за создание независимого латышского государства [Metuzāle-Kangere, Ozolins 2005].

Латвия, как упоминалось выше, появилась на карте мира 18 ноября 1918 г., провозгласив свою независимость от России. Новая республика рождалась в войнах — Первой мировой, а затем и гражданской, переросшей в войну с Советской Россией. Многие немцы в это время покинули Латвию, то же произошло и с русскоязычным населением (несмотря на небольшой приток белоэмигрантов), и закономерно доля латышскоговорящего населения увеличилась. Так, Вторая перепись населения Латвии 1925 г. показывает, что демографически латышский стал по-настоящему главным языком страны: на нем говорило более 80% в Латвии, более 84,8% в столице — исторический максимум [Otrā tautas 1925]. Схожие пропорции прослеживаются и в дальнейших переписях населения.

Молодая республика распространила свое гражданство на всех родившихся внутри ее границ до 1914 г., вне зависимости от их национальной или языковой принадлежности. Более того, конституция давала меньшинствам право на использование своих языков, хотя и закрепляла за латышским статус национального [*Satversme*]. При этом лишь в 1932 г. сейм принял закон о национальном языке, установив правила использования латышского и иностранных языков и введя широкие преференции для меньшинств в зонах их компактного проживания [*Vanags et al.* 2004]. Меньшинства были представлены в культуре, выпускались газеты и журналы на идише, а также русском и немецком языках, в сейме заседали депутаты от объединений национальных меньшинств [*Фейгм не* 2000]. Более того, регламент сейма Латвии того времени позволял депутатам выступать как на латышском, так и на русском и немецком языках; закон об образовании давал право на образование на языках меньшинств в школах [*Volkov* 2009].

Законодательство Первой республики давало возможность меньшинствам проводить собственную языковую политику, не ущемляя их идентичности. Многое изменилось после переворота 1934 г. и прихода к власти Карлиса Улманиса, который ужесточил языковую политику в Латвии в рамках «латышезации» на фоне подъема национализма [*Metuzāle-Kangere, Ozolins* 2005]. В годы правления Улманиса было резко сокращено количество школ меньшинств [*Hanovs, Tēraudkalns* 2014], приняты новые нормативные акты, ограничивающие использование других языков, кроме латышского, в публичном пространстве — прежде всего русского и немецкого [*Vanags et al.* 2004].

Независимая Латвийская Республика перестает существовать в 1940 г. вместе с вводом советских войск и установлением нового коммунистического правительства, объявившего Латвию одной из союзных республик. Наступает новый период латвийской истории, в корне изменивший языковую ситуацию в стране. Свернув процессы, запущенные Улманисом, советская власть начинает постепенно формировать собственную властную систему, однако не успевает завершить начатое: уже в 1941 г. город был взят наступающей немецкой армией. Вторая мировая

война и немецкая оккупация привели к серьезному изменению языкового баланса в силу демографических причин: так, массовое переселение немцев в Германию (как добровольное, так и вынужденное) и почти полное уничтожение евреев исключили распространенные в довоенной Латвии немецкий и идиш из повседневной жизни страны [Rozenvalds 2010].

Повторное присоединение Латвии к СССР стало, пожалуй, наиболее серьезным историческим фактором, повлиявшим на соотношение языков в современной республике и сформировавшим во многом современный языковой баланс. Миграционный приток русскоязычного населения из других частей СССР в послевоенные годы постепенно и неумолимо повышал численность и долю русскоязычных жителей республики и привел к тому, что ко времени последней советской переписи населения в 1989 г. на территории Латвийской ССР (ЛССР) проживало 905,5 тыс. русских, или 34% от всех ее жителей; доля говорящих на русском языке в семье достигла 42% [1989 *gadā vissavienības* 1990]. По данным переписи, латыши оказались в меньшинстве во всех городах республиканского подчинения: так, например, в столице и втором городе страны — Даугавпилсе — их было соответственно 36% и 13% [там же].

Кроме демографии, изменился и статус языков. Латышский язык оставался официальным языком новой советской Латвии, но *de facto* отошел на второй план. Попытка части латвийских коммунистов, называемых в зарубежной историографии национал-коммунистами (*nacionālkomunisti*), в 1956 г. принять закон, обязывающий госслужащих и партийных чиновников Латвии владеть латышским языком, в конечном счете провалилась, а члены группы были отправлены на партийную работу в другие республики [Bleiere 2016; Loader 2017]. Безусловно, латышский язык не был забыт, и на территории республики вещали телеканал и радиостанция на латышском языке, выпускались газеты и журналы различной тематической направленности, велась издательская деятельность, однако, несмотря на поддержку со стороны властей, широкое распространение языка в культуре и его сохранение в среднем и высшем образовании, латышский стал играть второстепенную роль внутри русскоязычного советского пространства [Metužāle-Kangere, Ozolins 2005, Kruk 2014].

Русский язык, общий для всего Советского Союза, стал обязательным предметом во всех школах республики, в вузах были открыты два языковых «потока»; русский повсеместно использовался в армии и милиции, в юриспруденции, а также на производствах, в культуре и науке [Дим нте 2017; Филей 2014; Metuzāle-Kangere, Ozolins 2005]. Немаловажную роль играло и то, что знание русского языка как языка Союза давало возможность получать образование вне республики, переезжать в другие города страны, подниматься по карьерной лестнице. Все это привело к тому, что к 1989 г. количество свободно говорящих на русском языке как неродном достигло 39,1% от числа жителей республики, или 67,4% от числа нерусскоговорящих [1989. *gadā vissavienības* 1990]. В свою очередь, на том же уровне по-латышски говорило немногим больше 20% русскоязычных [там же]. Сложившаяся ситуация объясняется тем, что для русскоязычных Латвия как место жительства являлась, прежде всего, составной частью единого Советского Союза, в котором их языковая идентичность не подвергалась сомнению, из-за чего у большинства русских не было нужды изучать местный язык [Laitin 1998].

В итоге в последние годы перед обретением независимости в Латвии осталось всего два основных языка: латышский, объединяющий латышей, и русский — одновременно и общий язык всего Союза, и родной язык для мигрантов из других частей страны, и распространенный советским государством *lingua franca*, так необходимый для карьерного роста [подробнее о русском как *lingua franca* см.: Pavlenko 2006].

Первые годы независимой Латвии: установление новых правовых отношений между латышской и русскоязычной общинами

Распад Советского Союза и становление независимой Латвии изменили парадигму языковых взаимоотношений внутри общества, где русскоязычные, будучи носителями общесоюзной идентичности (в том числе и языковой), внезапно для себя стали меньшинством, а латыши, составлявшие всего около 0,5% от населения СССР [Население СССР 1990], смогли воспользо-

ваться своим демографическим перевесом внутри республики. Такая ситуация в конечном счете привела к конфликту между русскоязычным и латышским сообществами, который ведет свою историю от времени борьбы за независимость страны в конце 1980-х гг.

Начало борьбы за независимость, часто называемой «Атмода» (с лат. — «Пробуждение»), связано, прежде всего, с объявленной М.С. Горбачевым политикой перестройки. «Народный фронт Латвии», изначально созданный как движение в её поддержку, в конечном счете стал политическим центром борьбы за независимость и включал в себя не только латышских, но и русскоговорящих жителей республики; печатным органом «Фронта» стала газета «Атмода», выходившая на двух языках. «Фронт» выражал примирительную позицию и внес в программу к выборам 1990 г. принцип признания гражданства нового государства за всеми жителями ЛССР, а также признание прав национальных меньшинств на образование на своем языке [Latvijas 1990].

Между тем растущие сепаратистские настроения движения были восприняты в штыки как союзным центром, так и частью местного русского населения. При помощи советского правительства и Коммунистической партии был основан «Интернациональный фронт трудящихся Латвийской ССР», выступавший за сохранение единства Латвии и СССР и состоявший преимущественно из русскоязычных жителей республики. Трагическая развязка противостояния, включавшая в себя вооруженные столкновения и баррикадные бои сторонников независимости и «Интерфронта», а затем и просоветски настроенного рижского ОМОНа, привели к серьезному обострению отношений между «титულным народом» и меньшинствами. Между тем нельзя не отметить, что на референдуме о независимости Латвии «за» проголосовало 64,51%, т.е. примерно на 12% больше, чем все латышское население республики на 1989 г. — выходит, что среди русскоязычного населения было достаточно высокое число поддерживавших идею независимости [Rozenvalds 2010].

В итоге пришедший к власти на выборах в Верховный Совет «Народный фронт», несмотря на обещанную интеграцию всех жителей ЛССР в новом государстве, взял курс не на по-

строение нового общего государства, а на *de jure* воссоздание республики, существовавшей до оккупации 1940 г. [Cilevičs 2015]. За восстановлением действия конституции Латвии последовали новые законы и решения, призванные восстановить преемственность современной Латвии и довоенной республики, которые, в свою очередь, в корне изменили положение русскоязычного меньшинства. Прежде всего, на его статус повлияли закон о гражданстве и законы о языке.

Уже в октябре 1991 г. Верховный Совет Латвии под влиянием правых сил в составе «Народного фронта» принимает закон о восстановлении корпуса граждан, по которому гражданство Латвии автоматически получили только те, кто мог доказать историческую связь своих предков с Латвией до оккупации 1940 г. При этом по новым законам без гражданства Латвии стало невозможно занимать государственные посты, работать в сфере обороны и защиты правопорядка, избирать и быть избранным, владеть землей и т.д.

Таким образом, подавляющее большинство русскоязычных — те, кто переехал на территорию Латвии в советские годы — осталось без гражданства и официально не имело никакого юридического определения. Судя по заявлениям политиков того времени, новое государство в те годы не было заинтересовано в интеграции русскоязычных бывших граждан СССР, которые воспринимались новыми элитами как чуждые для независимой постсоветской Латвии [Cheskin 2013]. Наоборот, многие политики были настроены на подталкивание мигрантов к возвращению на «историческую родину» ради восстановления в Латвии довоенного этнического соотношения [Волков 2013; Sasse 2010].

Оставшиеся без гражданства, некогда обещанного «Народным фронтом», русскоязычные жители Латвии действительно начали массово покидать страну. Статистика показывает, что в 1991–1995 гг. из Латвии в страны СНГ переехали 148 222 человека [International long-term] — среди них и неграждане Латвии, и передислоцирующиеся в Россию по долгу службы солдаты и офицеры бывшей Советской армии с членами своих семей [Kuczyńska-Zonik 2017]. Однако планам на восстановление до-

военного демографического баланса не суждено было сбыться, так как большая часть русскоязычных, несмотря на неопределенность своего положения, осталась в стране.

Долгое время эта группа жителей оставалась без официального статуса, и лишь под внешним давлением европейского сообщества в 1995 г. был принят закон о бывших гражданах СССР, оставшихся без какого-либо гражданства [Rozenvalds 2010]. Так в Латвии появляется категория неграждан, в которую вошло подавляющее большинство русскоязычных, и с этого же момента начинается процесс натурализации, ограниченный специальными «окнами» — лимитом по числу и возрасту претендующих на гражданство в год [Krūma 2010]. Законодательно был ограничен допуск к гражданству для ряда лиц — среди них часть бывших военнослужащих ВС СССР и России, бывшие сотрудники КГБ ЛССР и СССР, а также все активно выступавшие против создания Латвии после 13 января 1991 г. [Pilsonības likums 2019]. Из-за установленных ограничений за 1995–1998 гг. гражданство через натурализацию смогла получить только малая часть неграждан. Из 735 тыс. неграждан [Šūpule et al. 2014] всего 15 853 человека подали заявление на натурализацию, из них получили гражданство 11 431 [Krūma 2015].

Лишь повторное вмешательство Европейского союза решило вопрос, и «окна» были отменены: с 1998 г. у всех русскоязычных (кроме вышеуказанной группы лиц) появилась возможность натурализации [Cilevičs 2015]. Натурализационный процесс проходит в форме экзаменов: так, претендующий на гражданство должен показать знание языка страны на повседневном уровне, её истории и ответить на вопросы по конституции и гимну [Krūma 2010]. Именно то, что знание латышского стало необходимым компонентом процесса натурализации, подтолкнуло русскоязычных к изучению нового государственного языка [Rozenvalds 2010]. Между тем в Латвии, в отличие от соседней Литвы, на первых порах не было сформированной программы по обучению взрослых жителей страны латышскому языку для сдачи экзамена на гражданство, и претендентам необходимо было самим искать курсы — либо частные, либо поддержанные иностранными фондами [Hogan-Brun 2013, Zepa 2003]. Лишь

к 2000 г. в Латвии появляется государственная программа по интеграции общества, включавшая в себя поддержку изучения латышского языка, однако оценить ее успешность не представляется возможным [Rozenvalds 2010].

С 1999 г., после отмены всех ограничений, число натурализующихся в год неизменно росло, достигнув своего пика в 2004–2007 гг. вместе с вхождением Латвии в ЕС. Гражданство республики серьезно расширяло возможности путешествий, работы и учебы в объединенной Европе, что стало стимулом для неграждан к натурализации. Однако в 2007 г. неграждане Латвии также получили право безвизового въезда в ЕС, после чего объемы натурализации пошли на спад. Для сравнения: с 1999 по 2007 г. гражданство Латвии по результатам экзаменов получили 105 825 человек, с 2007 по март 2018 г. — 24 202 человека [Informācija par 2018]. Другой причиной снижения объемов натурализации стал введенный в 1999 г. порядок принятия детей неграждан в гражданство Латвии по заявлению обоих родителей, после чего количество неграждан в Латвии стало сокращаться естественным образом. Согласно официальным данным, число неграждан сократилось с 504 тыс. в 2000 г. [Latvijas 2002] до 228 тыс. на июль 2018 г. [Latvijas iedzīvotāju 2018].

В первые годы независимости меняется не только правовая позиция русскоязычных по отношению к гражданству. Непосредственно языковое законодательство, создававшееся вместе с новым государством, кардинально изменило языковой баланс.

Принятый еще в 1989 г. закон о государственном языке [Latvijas 1989] стал первым в череде принимаемых Латвией мер по упрочению положения латышского языка в жизни страны. По этому закону латышский стал государственным языком республики, а русский был объявлен лишь языком межнациональной коммуникации [Rozenvalds 2010]. Поправки к этому закону, внесенные в 1992 г., убрали упоминание о русском вообще. С новыми поправками закон устанавливал знание латышского как необходимое требование для работы с клиентами как в государственном, так и в частном секторе; для надзора за исполнением норм языкового законодательства были созданы Центр государственного языка и Инспекция государственного

языка; закон также вводил административную ответственность за неисполнение новых предписаний, что зачастую вызывало недовольство у русскоязычных работников частных предприятий [Metuzāle-Kangere, Ozolins 2005].

Новый закон о языке 1999 г. и вовсе уравнивал языки меньшинств с иными иностранными языками, противопоставив их государственному латышскому и языку «автохтонного населения» — ливскому¹ [Valsts 2019]. По данному закону, дополненному впоследствии постановлениями Кабинета министров [Noteikumi par valsts 2019], латышский должен использоваться на официальных собраниях трудовых коллективов и публичных мероприятиях, в документообороте, в качестве языка сотрудников, работающих непосредственно с клиентами, в качестве языка работ на соискание научных степеней, при публичном показе фильмов или видеоматериалов, а также при официальном использовании личных имен, названий различных институций и т.д. При необходимости использования иностранного языка всегда должен быть предоставлен перевод или возможность перевода на государственный язык [там же]. Соискатели работы (прежде всего неграждане, но также и все, в чьей компетенции могут быть сомнения) должны предоставлять справку об уровне владения государственным языком, соответствующем предполагаемой должности, при этом результаты экзамена должны подтверждаться раз в несколько лет [там же]. Как отмечает Цилевич [Cilevičs 2015], введенные ограничения по отношению к русскому языку не всегда отвечают не только антидискриминационным предписаниям ЕС, но и здравому смыслу в отношении таких территорий, как Латгалия, в некоторых частях которой доля русскоязычных стремится к 80–90%.

Развитие ситуации в 2000-е гг.

Итак, за первые годы независимости произошли серьезные перемены в государстве, закрепившие новое положение латышского и русского языков. Безусловно, для такого резкого

¹ На момент принятия закона на ливском языке как родном говорило около 500 человек, к 2012 г. всего 210 человек владели ливским на уровне A1 и выше [Ernštreits 2012], из них носителем языка был всего один человек, Гризельда Кристина, умершая в 2013 г. [Скончался последний носитель... 2013].

поворота в политике по отношению к русскоязычному меньшинству были более глубокие причины, нежели противостояние «Интерфронта» и «Атмоды» или восстание рижского ОМОНа. Чтобы их понять, рассмотрим ставшую уже классической работу Брубейкера «*Nationalism Reframed*» [Brubaker 1996] и попробуем применить её рамку к Латвии 1990-х гг. Брубейкер, описывая формирование новых государств Центральной и Восточной Европы, рассматривал внутренние взаимоотношения между новыми государствами и их меньшинствами как треугольник из национализирующегося (*nationalizing*) государства, его национального меньшинства и внешней «родины» национальных меньшинств. Предпосылкой к этому, по мнению исследователя, стало примордиалистское восприятие национальности в Советском Союзе, которое предполагало принадлежность республик в составе СССР их «титulyному населению» — так распад Советского Союза привел к тому, что государства, созданные в границах бывших советских республик, стали восприниматься их элитами как республики именно «титulyных народов» [там же].

Принятые законы были призваны упрочить положение латышей в Латвии и ограничить возможности русскоязычного населения; главным инструментом для государства в конечном счете стали именно языковые ограничения: создав посредством ограничения прав гражданства прочную основу для новой государственности, Латвия (не без давления со стороны Европы) перешла от вытеснения русскоязычного меньшинства к использованию государственного языка как основного инструмента интеграции всех жителей и одновременно сокращения пространства использования русского языка.

В этом ключе одним из важнейших шагов государства стали проведенные в стране реформы в системе образования, которые, однако, вызвали серьезный протест со стороны русскоязычной общины. До середины 1990-х гг. ситуация в образовании оставалась неизменной с советских времен: в стране существовали две параллельные системы образования — на русском и латышском языках. Лишь в 1995 г. в закон об образовании были введены нормы о преподавании на государственном языке не менее

двух предметов в младших и трех предметов в средних школах [Hogan-Brun 2006]. Следующим шагом стало постепенное введение билингвального образования в младшей и средней школе в 1998 г., главной целью которого была подготовка учащихся к изучению предметов на латышском в старших классах [там же].

Эти изменения практически никак не повлияли на общественные настроения [Богушевич 2013], однако введенная в том же году поправка к закону, предписывавшая школам нацменьшинств с 1 сентября 2004 г. изучать не менее 3/5 предметов на латышском языке, стала в свое время причиной массового протеста русскоязычных жителей страны.

Чтобы глубже понять причины произошедшего, необходимо вернуться к ситуации, сложившейся в Латвии к этому времени. Самоощущение русскоязычных вместе с распадом Советского Союза и установлением нового государственного порядка претерпело серьезные изменения, ведь русскоязычные Латвии, как и многие нетитульные народы новообразованных республик, одномоментно оказались в новой реальности, в которой они и остались без собственного государства, и вынуждены были заново осознать свое положение в странах постсоветского пространства [Laitin 1998].

Русскоязычным Латвии, оставшимся в стране, было необходимо найти новые основы для самоидентификации. Британский исследователь Аммон Ческин [Cheskin 2013] выделяет два основных фактора, сформировавших новую идентичность. Это общность исторической памяти о советском периоде Латвии, противопоставленной официальному дискурсу о советской оккупации (о проблемах исторической памяти во взаимоотношениях латышской и русскоязычной общин см. [Cheskin 2013]), и общий для представителей всех этнических меньшинств русский язык, противопоставленный государственной политикой латышскому. Безусловно, ограничения в сфере использования языка и постепенное введение латышского в различных сферах жизни вызывали недовольство в некоторых слоях населения и до того [Волков 2013], однако именно попытка изменить устоявшуюся систему образования была воспринята как удар по всем русскоязычным, ставящий под вопрос само существование группы.

Итак, противостояние, продлившееся с января по май 2004 г. вокруг так называемой «реформы русских школ» стало важной вехой во взаимоотношениях всех участников треугольника Брубейкера. Государство и в текстах законов, и в официальных заявлениях устанавливало целью изменений исключительно распространение латышского языка среди молодого поколения русскоязычных; результатом реформы должна была стать их интеграция в латвийское общество и рост конкурентоспособности [Izglītības likums 2019; Hogan-Brun 2006]. Участники протестов, а вместе с ними и большинство русскоязычных латвийских СМИ, рассматривали столь радикальные перемены в школьном образовании как попытку «принудительной ассимиляции» русскоязычной молодежи, шаг к потере ее идентичности [Hogan-Brun 2006]. Кроме того, недовольство подогревалось отсутствием диалога с представителями меньшинств и давлением на лидеров протеста [там же]. В свою очередь, одобрение протестов в сообщениях российских СМИ и зачастую явная поддержка лозунгов протестующих со стороны российских политиков лишь подогревали недовольство русскоязычных жителей Латвии и одновременно укрепляли решимость чиновников в проведении реформ [Zepa 2006].

СМИ, как латвийские, так и российские, сыграли важную роль в конфликте [Богусевич 2013]. Как об этом пишет Шульмане [Šulmane 2010], медиaprостранство Латвии во многом разделено по языковому признаку, и лишь незначительная часть жителей страны потребляет информацию из разноязычных источников. В свою очередь, латышские и русскоязычные СМИ, зачастую выступающие с диаметрально противоположных позиций, не дают их читателям возможность понять аргументацию другой стороны и, наоборот, только подогревают недовольство [там же]. По данным опроса 2007 г., более 60% русскоязычных смотрели передачи российского «Первого канала», ретранслируемые в Латвии, лишь 25% респондентов смотрели передачи латышскоязычного TV3 [Lerhis et al. 2007]. Среди латышей ситуация обратная: латышскоязычное LTV1 предпочитали 78% зрителей [там же].

Протесты против введения в действие поправок, вовлекшие, по разным оценкам, от 20 до 60 тыс. человек [*Hogan-Brun* 2006], не привели к каким-либо результатам, и реформа была проведена в полном объеме, а дальнейшие попытки срыва занятий и созыва митингов после принятия поправок уже не возымели успеха. Оценивая сегодня свое участие в протестах 2004 г., респонденты — в то время учащиеся русских школ — не воспринимают свою борьбу и её провал всерьез, скорее представляя ее как подростковый протест против системы, окончившийся вместе с осознанием бессмысленности дальнейшей борьбы [ПМА 2017, 2018]. Смена поколений и рост знания латышского языка среди школьников как результат произведенных изменений привели к тому, что среди опрошенных отношение к реформе сместилось, скорее, к осторожному одобрению, нежели критике [*Cheskin* 2015].

После школьной реформы долгое время вопросы языка практически не поднимались, и многие информанты, вспоминая эти годы, говорят о постепенном налаживании взаимоотношений между русскоязычными и латышами, прежде всего, в пространстве рабочих и неформальных контактов [ПМА 2017, 2018]. Многим русскоязычным, готовым встраиваться в новое общество, за это время удалось с тем или иным успехом выучить латышский язык, получить гражданство страны и разрешение на работу, найти работу и друзей в латышскоязычной среде.

Однако новой точкой раздора стал референдум 2012 г. об установлении русского языка как второго государственного. Поводом к его организации стала неудачная попытка ряда националистических партий провести референдум о переводе всех школ нацменьшинств на государственный язык, что повлекло за собой серьезное возмущение в русскоязычных медиа. В конечном счете организованное группой радикальных политиков движение «Родной язык» смогло собрать достаточное количество подписей для подачи предложений в сейм, а затем и для организации всенародного референдума. Широкая кампания как «за», так и «против» поправок серьезно повлияла на ситуацию в стране, взбудоражив общество. Референдум стал еще одним примером взаимоотношений по типу треугольника Брубейкера. Многие русскоязычные политики и общественные деятели вы-

ступили в поддержку референдума, в их числе — русскоязычный мэр Риги и лидер крупнейшей фракции в сейме Нил Ушаков. Среди латышей, в том числе и среди высокопоставленных политиков, вплоть до президента страны [Berziņš: Referendums par 2012], вопрос о статусе русского языка как второго официального воспринимался как опасное движение в сторону России и даже в сторону потери независимости. Неоднократно были и заявления российского МИДа в поддержку референдума и в защиту прав русскоязычных жителей Латвии на использование родного языка.

В итоге, несмотря на отрицательный результат референдума (против инициативы выступило более 74% проголосовавших), сейм Латвии впоследствии ужесточил законодательство о референдумах и ввел в конституцию страны преамбулу, упоминающую «латышский язык как единственный государственный» [Satversme].

На обывательском уровне, в среде смешанных компаний русскоязычных и латышей референдум вызвал ожесточенные споры. Среди русскоязычных, опрошенных для данного исследования, последствия референдума, как и сам этот процесс, оцениваются негативно, прежде всего, как новый повод к раздорам и взаимным опасениям, нарушившим постепенное примирение общин [ПМА 2017, 2018].

Как мы видим, языковой вопрос и связанное с ним разделение общества — неотъемлемая часть истории Латвии, часть её повседневной жизни, без которой невозможно в полной мере понять современное состояние общества. Рассмотренные выше события — лишь наиболее показательные примеры проводимой в Латвии языковой политики и отношения к ней как латышей, так и русскоязычных.

Современный языковой ландшафт: 2 + 1?

Противостояние двух языковых общин так или иначе продолжается и до сих пор. Среди его проявлений стоит отметить уличные протесты против новой реформы русских школ, предполагающей переход на латышский как единственный язык обучения в старших классах. Между тем ни ожесточенность

протеста, ни его массовость уже не могут сравниться с накалом противоборства 2004 г., когда на улицы Риги выходили десятки тысяч человек. По данным СМИ, на митинг в поддержку русских школ в мае 2018 г. вышло около пяти тысяч человек [*Ениф нов* 2018].

Такое снижение протестной активности можно объяснить повышением уровня знания латышского среди русскоязычных, прежде всего, среди молодежи. Массовые опросы 2015 г. (последние на момент написания данного текста) показывают, что более 44% русскоязычных признали свое знание языка «хорошим» или «очень хорошим», еще 33% оценили свое знание как «среднее» [Valodas situācija Latvijā 2016]. Лишь 9% жителей утверждают, что не знают латышского. Важно отметить, что среди представителей русскоязычного меньшинства в возрастной группе 15–24 уровень знания латышского языка гораздо выше: по данным государственного Агентства по делам латышского языка, 78% оценивают свой уровень языка как «хороший» и «очень хороший», 20% — как «средний». Наблюдения, а также данные интервью показывают высокий уровень владения латышским языком среди молодого поколения русскоязычных, чьи школьные годы прошли во время или после школьной реформы. Латышский язык среди русскоязычных актуален и для рабочей, и для неформальной среды; например, отказ от общения на латышском внутри Латвии воспринимался многими молодыми информантами, скорее, как маргинальное поведение [ПМА 2017, 2018]. К схожим результатам приходит и Ческин в своем исследовании по идентичности современных русскоязычных, связывая билингвальность молодого поколения с его привязанностью к Латвии как к единственной осознаваемой родине [Cheskin 2015]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что политика государства по упрочению положения латышского языка в стране привела к определенному росту общего числа говорящих на латышском языке, росту актуальности латышского языка. Но все же эти успехи языковой политики не означают полного размывания и ассимиляции русскоязычных. Перепись населения 2011 г. — последняя на момент написания этого текста — показывает, что в Латвии, несмотря на все вышеуказанные меры по укреплению

роли латышского языка, сохраняется значительный процент русскоязычного населения, включающего в себя и иные национальностей, и некоторую часть латышей — всего около 37%. При этом в столице Латвии Риге на русском как родном говорит более 55% населения, а во втором по численности городе страны Даугавпилсе — более 88% [Latvijas 2016].

Кроме того, русский в Латвии сохраняет свою роль *lingua franca*. По данным опросов [Latviešu valodas aģentūra], среди всех жителей Латвии русский до сих пор остается наиболее распространенным языком: хотя бы в какой-то мере говорят по-русски 98% против 91% у латышского языка [Valodas situācija Latvijā 2016]. Уровень понимания русского языка среди латышей также остается крайне высоким: более 72% населения признали свой уровень русского «хорошим» или «очень хорошим», 20% — «средним», однако нельзя не отметить, что уровень владения русским языком среди молодежи неуклонно падает [там же].

Высокая концентрация русскоязычных жителей в городских центрах Латвии при высоком уровне владения русским языком среди всех жителей страны приводит к тому, что он продолжает оставаться широко востребованным на рынке труда. Так, работодатели часто выдвигают знание русского как необходимое условие при приеме на работу². В сфере туризма русский язык и вовсе необходим, так как он продолжает играть роль языка взаимодействия с путешественниками из стран бывшего СССР. По словам информантки, работающей в отеле в старом центре Риги, знание русского языка (наряду с латышским, английским и датским) было огромным плюсом при поступлении на работу, и ей постоянно приходится переходить на русский язык в общении с выходцами из бывших советских республик [ПМА 217, 2018].

Русский был и остается языком культурного обмена как внутри страны, так и с мировым русскоязычным сообществом: на нем вещают как популярные латвийские радиостанции (в том числе и 4-й канал общественного Латвийского радио), так и филиалы российских радиостанций. Большинство российских телеканалов доступно в частных кабельных сетях вещания, часть

² Эта ситуация вызывает серьезные дискуссии в парламенте страны, где обсуждается законодательный запрет требования знания иностранных языков (сейм поддержал норму 2018).

из них производит собственный контент исключительно для латвийского зрителя³. В Латвии работают русскоязычные культурные площадки, такие как Рижский русский театр им. Чехова, проходят концерты русскоязычных артистов, фильмы выходят в прокат как на латышском, так и на русском языке, а до 2014 г. курортная Юрмала принимала у себя международные русскоязычные юмористические и музыкальные фестивали. Кроме того, за годы независимости была сформирована русскоязычная система частного среднего и высшего образования [Volkov 2009].

Но несмотря на существующую связь с российским культурным пространством, для молодежи, родившейся и выросшей в Латвии, гораздо более актуальна связь внутри русскоязычной общины и с Латвией как родиной, нежели связь с современной Россией и россиянами. Последние количественные исследования показывают, что Российская Федерация, несмотря на языковую и культурную общность, признаваемую респондентами, зачастую не осознается ими в качестве родной страны; россияне часто и вовсе воспринимаются русскоязычными Латвии как «иные» или «не свои». Об этом пишет британский исследователь Аммон Ческин по материалам опросов 2014 г. [Cheskin 2015]. Так, например, русскоязычные Латвии зачастую воспринимают себя как большие европейцы, нежели россияне, делая такие выводы на основе сравнения своих условий жизни с теми, которые они видят в соседних российских регионах, и в итоге большинство респондентов Ческина связь с Латвией ощущают гораздо теснее, нежели связь с «исторической родиной» [Cheskin 2015].

Представители латвийской русскоязычной молодежи, выросшие в двуязычной среде и владеющие обоими языками на высоком уровне, часто имеют двойную языковую идентичность. Их языковую практику можно охарактеризовать как код-свитчинг (*code switching*), когда выбор языка напрямую зависит от окружающей ситуации. Проявления код-свитчинга отмечены как в ходе полевых наблюдений, так и при анализе интервью: переход на латышский язык у русскоязычных происходит зачастую неосознанно, как нечто само собой разумеющееся [ПМА 2017, 2018].

³ К примеру, ретранслятор «Первого канала» — «Первый Балтийский канал» — выпускает собственные аналитические передачи и новостные программы, посвященные событиям в Латвии.

При этом латыши часто сами переходят на русский язык, если замечают сложности (в том числе и мнимые) при общении на латышском языке; такой феномен информанты описывают как «языковую вежливость».

Вот один из многочисленных примеров, отмеченных во время наблюдений: обычный короткий диалог между клиентом и работником кафе велся сначала на латышском (обращение официанта и ответ посетителя), потом на русском (официант перешел на русский из-за акцента посетителя), и снова на латышском (посетитель продолжил говорить на латышском, и официант отвечал ему далее на латышском) [ПМА 217, 2018]. Как мы видим, оба участника пытались установить, какой из языков общения удобен обоим и пришли к невербальному соглашению. Нередки случаи, когда оба собеседника могут говорить на разных языках одновременно, не испытывая дискомфорта [ПМА 2017, 2018]. Схожее поведение отмечается и в Эстонии в контексте общения русскоязычных и эстонцев в быту и на работе [Zabrodskaĵa 2007; Zabrodskaĵa 2013]

Безусловно, языковое разнообразие не ограничивается только латышским и русским языком. Знание английского языка серьезно улучшилось за годы независимости: так, при переписи населения 2000 г. лишь 14,3% населения страны утверждали, что владеют английским языком [Valodas situācija Latvijā 2016]. К 2012 г., по опросам Агентства по делам латышского языка, на английском говорило хотя бы на каком-то уровне 64% латышскоговорящего населения, среди представителей этнических меньшинств в 2009 г. о наличии навыков английского заявили 53% [там же].

Закономерно, что наиболее распространенный в мире *lingua franca* [о роли английского языка как международного см. *de Swaan* 2001] занял свое место в жизни страны, однако причины столь высокого уровня его распространения стоит рассмотреть отдельно. Безусловно, этому помогли усилия государства: английский включен в школьную программу как первый иностранный язык в большинстве школ Латвии — как в латышских, так и в школах нацменьшинств [Izglītības likums], несмотря на отсутствие у языка какого-либо особого статуса в Латвии. На

английский язык как международный переводятся многие официальные сайты, законы и постановления правительства, опубликованные в Интернете, дублируются многие информационные материалы, выпускаемые официальными инстанциями. Английский занял свое место и в культурной среде — к примеру, американские и британские фильмы наряду с российскими зачастую показываются в оригинале с латышскими субтитрами — как в кинотеатрах, так и на телевидении.

Немаловажным фактором жизни Латвии является стабильно отрицательный миграционный баланс, который влияет на все сферы жизни страны. Если в 1990-е годы, как об этом писалось выше, основным направлением выезда были государства СНГ и прежде всего Россия [Волков 2013, Hazans 2010], то после вступления Латвии в Европейский союз и открытия общеевропейского рынка труда в 2004 г. эмиграционные потоки сместились на Запад. Первыми странами, принявшими граждан Латвии после вступления в ЕС, стали англоязычные Великобритания и Ирландия; большинство других стран — членов Союза воспользовались правом отложить на 7 лет открытие своих рынков труда [Dirba 2016]. Отложенный доступ в другие страны Европы привел к тому, что именно в Великобритании и Ирландии к настоящему времени сформировались крупнейшие диаспоры латвийцев: соответственно 76 тыс. (40,6%), и 20 тыс. (10,7%) из 187 тыс. живущих за рубежом граждан Латвии [Ārvalstīs dzīvojošo 2019]. В 2007 г. право на въезд в большинство стран ЕС (кроме, однако, Великобритании и Ирландии) получили неграждане страны, которые стали пользоваться возможностью получать в этих странах вид на жительство [Dirba 2016], а затем и полноценное гражданство. По данным Евростата, около 13% трудоспособного населения Латвии живет и работает в других странах Европейского союза.

Столь распространенный по вышеуказанным причинам английский язык также участвует в системе код-свитчинга, как латышский и русский, и выбор удобного языка опять же становится в зависимость от ситуации. В ходе наблюдений не раз была подмечена ситуация, в которой английский язык являлся наиболее удобным для всех участников разговора вне зависи-

мости от их родных языков, т.е. выступал в роли *lingua franca* [ПМА 2017, 2018].

Заключение

В современной Латвии сформировалась ситуация, в которой два языка — латышский и русский — являются, по сути, не только важнейшими проводниками коммуникации для всех жителей Латвии, но и основными факторами для формирования идентичностей.

Латышский, язык большинства населения страны, получивший в свое время статус государственного, в результате действий властей стал необходимым для работы и учебы в стране, стал определяющим критерием принадлежности к гражданству республики. Таким образом, общение на латышском языке и принадлежность к латышскоязычному сообществу обеспечивает наиболее комфортные условия для жизни в стране, отделяя латышскоязычных от остальных жителей республики. Вместе с этим растет роль латышского языка в межгрупповом общении внутри страны по мере постепенного перехода всего школьного образования на государственный язык, тем самым расширяется пространство использования языка в быту.

Русский язык, наравне с общностью исторической памяти, остается основным связующим звеном для особой идентичности — русскоязычных Латвии. Объединенная родным языком треть населения страны является важным фактором в жизни государства, непосредственно участвуя в политических и экономических процессах. Несмотря на постепенное увеличение роли латышского языка среди русскоязычных, актуальность такой языковой идентичности остается высокой.

С одной стороны, за русским языком в Латвии сохраняется особая роль в неформальном общении и бизнесе, ведь русский язык, несмотря на отсутствие официального статуса, остается самым распространенным в стране. С другой стороны, русский язык продолжает играть роль *lingua franca* на территории постсоветского пространства и сохраняет актуальность для культурных контактов между латвийским русскоязычным меньшинством и международным русскоязычным сообществом.

Латышский и русский языки формируют особые сообщества, особые идентичности, находящиеся в постоянном взаимодействии, и история современной Латвии неотделимо связана с одним из проявлений этого взаимодействия — языковым конфликтом. Долгие годы между русскоязычными и латышами продолжалось (и продолжается) противостояние, принимающее различные формы, но все же постепенно борьба сходит на нет. Русский язык по мере увеличения латышского компонента в образовании становится для молодежи языком семейного и дружеского общения [ПМА 2017, 2018], сокращается роль русского языка и на международной арене по мере отхода постсоветских стран от влияния России [Pavlenko 2006]. Латышский язык укрепляет свои позиции внутри Латвии, однако естественная убыль населения и высокий уровень миграции как среди латышей, так и среди русскоязычных постепенно сокращает число носителей латышского языка. Билингвальность, присущая латышской части населения республики, постепенно становится нормой и для русскоязычных, и вместо противостояния появляются новые формы взаимодействия, прежде всего, на личном уровне, что отражается в проявлениях код-свитчинга.

Вместе с этим особую роль играет включенный глобализацией в жизнь Латвии английский язык. Общемировой *lingua franca*, столь актуальный в контексте рабочей миграции из Латвии, английский постепенно становится необходимым и внутри страны, прежде всего, в туристической сфере и международном бизнесе. Кроме того, английский включается в повседневность — и в контексте код-свитчинга [ПМА 2017, 2018], и в контексте постепенного перехода на английский следующего поколения мигрантов, остающихся в других странах (подробнее о латвийских мигрантах см.: [Latviešu emigrantu kopienas 2015]).

Данное исследование не претендует на завершенность, но предлагает исследователям иной подход к рассмотрению групповых идентичностей и их взаимоотношений, нежели этнический, зачастую используемый в отечественной науке при изучении стран Балтии. Языковой подход создает новое поле для исследований в области формирования и сохранения идентичностей, не связанных с этническим самосознанием, а также предлагает

новый взгляд на проблемы межгрупповой коммуникации, причины формирования конфликтов в гетерогенных сообществах.

Источники

1. 1989. gadā vissavienības 1990 — 1989. gadā visavienības tautas skaitīšanas rezultāti Latvijas PSR (demogrāfiskie rādītāji). Statistiks biļetens. — Rīga, 1990.
2. *Епиф нов* 2018 — *Епиф нов* М. Мирно не получилось. Борьба за русские школы в Латвии оформилась в уголовное дело // Новая газета. — 2018. — 23 мая. — URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/05/23/76568-mirno-ne-poluchilos> (дата обращения: 26.03.2019).
3. Население СССР 1990 — Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. — М., 1990.
4. ПМА 2017, 2018 — Полевые материалы автора: интервью, записанные в Риге, Латвия в 2017 и 2018 годах.
5. Сейм поддержал норму 2018 — Сейм поддержал норму о запрете требования знаний иностранного языка у работников // Latvijas Sabiedriskie Mediji. — 2018. — 6 сент. — URL: <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/politika/seym-podderzhal-normu-o-zaprete-trebovanija-znaniy-inostrannogo-jazika-u-rabotnikov.a291342> (дата обращения: 14.03.2019).
6. Список различий 2013 — Список различий в правах граждан и неграждан Латвии. — Рига: Латвийский комитет по правам человека, 2013. — URL: http://lhrc.lv/biblioteka/svod_razl_2013_rus.pdf (дата обращения: 11.03.2019).
7. Ārvalstīs dzīvojošo 2019 — Ārvalstīs dzīvojošo sadalījums pēc dzimšanas gada un valstiskās piederības. 2019. 1. janvāris. — URL: https://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/backup/PSAV_Aarvalstiis_Latvijas_VPD.pdf (дата обращения: 19.03.2019).
8. Bērziņš: Referendums par otru valsts valodu būs balsojums pret Latviju kā valsti // Latvijas Sabiedriskie Mediji. 2012. 1. janvāris. — URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/berzins58-referendums-par-otru-valsts-valodu-bus-balsojums-pret-latviju-ka-valsti.a32546/> (дата обращения: 14.03.2019).
9. Informācija par 2018 — Informācija par naturalizācijas iesniegumu skaitu un uzņemšanu LR pilsonībā līdz 2018.gada 31.martam. — URL: http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/documents/naturalizija33/Naturaliz%C4%81cija%20_marts2018/stat_latv1.pdf (дата обращения: 29.03.2019).

10. International long-term — International long-term migration. — URL: <https://www.csb.gov.lv/en/statistics/statistics-by-theme/population/migration/tables/ibg010/long-term-migration> (дата обращения: 24.09.2019).
11. Izglītības likums 2019 — Izglītības likums. — URL: <https://likumi.lv/ta/id/50759-izglitibas-likums> (дата обращения: 11.03.2019).
12. Latvijas 1990 — Latvijas Tautas frontes vēlēšanu platforma 1990. gada Augstākās Padomes vēlēšanām. — URL: <https://www.historia.lv/dokumenti/latvijas-tautas-frontes-velesanu-platforma-1990gada-augstakas-padomes-velesanam-3219901> (дата обращения: 25.04.2018).
13. Latvijas 2002 — Latvijas 2000. gada tautas skatīšanas rezultāti. Statistikas datu krājums. — Rīga, 2002.
14. Latvijas 2016 — Latvijas 2011. gada tautas skatīšanas — rezultāti. — Rīga, 2016. — URL: http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/publikacijas/2015/Nr%2012%20Latvijas%202011.gada%20Tautas%20skaitisanas%20rezultati_Results%20of%20the%202011%20Population%20and%20housing%20census%20in%20Latvia%20%2815_00%29_LV_EN.pdf (дата обращения: 07.03.2019).
15. Latvijas iedzīvotāju 2018 — Latvijas iedzīvotāju sadalījums pēc valstiskās piederības. — URL: http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/documents/Iedzivotaju%20re%C4%A3istrs/07022017/ISVP_Latvija_pec_VPD.pdf (дата обращения: 21.03.2019).
16. Latvijas 1989 — Latvijas Padomju Sociālistiskās Republikas valodu likums. — URL: <https://web.archive.org/web/20120206224252/http://www.liis.lv/latval/valoda/v9-6.htm> (дата обращения: 26.03.2019).
17. Noteikumi par valsts 2019 — Noteikumi par valsts valodas zināšanu apjomu un valsts valodas prasmes pārbaudes kārtību profesionālo un amata pienākumu veikšanai, pastāvīgās uzturēšanās atļaujas saņemšanai un Eiropas Savienības pastāvīgā iedzīvotāja statusa iegūšanai un valsts nodevu par valsts valodas prasmes pārbaudi. — URL: <https://likumi.lv/ta/id/194735-noteikumi-par-valsts-valodas-zinasanu-apjomu-un-valsts-valodas-prasmes-parbaudes-kartibu-profesionalo-un-amata-pienakumu-veiksanai-pastavigas-uzturesanas-atlaujas-sanemsanai-un-eiropas-savienibas-pastaviga-iedzivotaja-statusa-iegusanai-un-valsts-nodevu-par-valsts-valodas-prasmes-parbaudi> (дата обращения: 21.03.2019).
18. Otrā tautas 1925 — Otrā tautas skaitīšana Latvijā. — Rīgā, 1925.
19. Pilsonības likums 2019 — Pilsonības likums. — URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57512> (дата обращения: 03.03.2019).
20. Satversme — Latvijas satversme 2019 — Latvijas satversme. — URL: <http://www.saeima.lv/lv/likumdosana/satversme> (дата обращения: 23.03.2019).

21. Valodas situācija Latvijā 2016 — Valodas situācija Latvijā: 2010–2015. Sociolingvistisks pētījums. — Rīga, 2016.
22. Valsts 2019 — Valsts valodas likums. <https://likumi.lv/doc.php?id=14740> (дата обращения: 19.03.2019).

Библиография

1. *Богусевич Т.* Протестная мобилизация русскоязычного меньшинства в Латвии // Этническая политика в странах Балтии. — М., 2013. — С. 236–257.
2. *Волков В.* Демография русского населения Латвии в XX–XXI веках // Этническая политика в странах Балтии. — М., 2013. — С. 177–197.
3. *Дим нте И.* Русский язык в Латвии: взгляд в прошлое, настоящее и будущее // Коммуникативные исследования. — 2017. — № 1. — С. 107–122.
4. *М н ков А.Г., Чученков О.А.* Этнический состав населения на территории Эстонии и Латвии по результатам дореволюционных переписей (1881 и 1897 гг.) // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки». — 2016. — № 9.
5. *Пярт И.* Прерванный эксперимент? Политика правительства Александра III в Прибалтийских губерниях // Родина-2. — 2015. — С. 78–80.
6. *Фейгм не Т.Д.* Русские в довоенной Латвии. — Рига: Балтийский русский институт, 2000.
7. *Филей А.* Проблемы билингвизма и обзор социолингвистической ситуации в Латвии // Социо- и психолингвистические исследования. — 2014. — № 2. — С. 69–83.
8. Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В.В. Полешук, В.В. Степанов. — М.: Наука, 2013.
9. *Bleiere D.* Ncāionālkommunisms Latvijā (20. gadsimata 50. gadi) — dažas pētniecības problēmas // Latvijas Vēstures institūta Žurnāls. 2016. № 4. P. 113–139
10. *Brubaker R.* Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996.
11. *Cheskin A.* Exploring Russian-Speaking Identity from Below: The Case of Latvia // Journal of baltic Studies. 2013. № 3. P. 287–312
12. *Cheskin A.* Identity and Integration of Russian Speakers in the Baltic States: A Framework for Analysis // Ethnopolitics. 2015. № 14.
13. *Cilevičs B.* Language Policies in Latvia: Lessons for Minority Protection // Integration and exclusion. Linguistic rights of national minorities in Europe. Conference book. Vilnius, 2015.

14. *Dirba M.* Latvian people on the move and the impact on education // Migration and the Education of young people 0-19. An Introductory guide. New York, 2016. P. 50–61.
15. *Hanovs D., Tēraudkalns V.* Ultimate Freedom — No Choice: The Culture of Authoritarianism in Latvia, 1934–1940. *European History Quarterly*. 2014. 44 (2). P. 331–332.
16. *Hazans M.* Latvijas emigrācijas mainīgā seja: 2000–2010 // Pārskats par tautas attīstību 2010/2011. Nacionālā identitāte, mobilitāte un rīcībspēja. Rīga, 2011.
17. *Hogan-Brun G.* At the interface of language ideology and practice: The public discourse surrounding the 2004 educational reform in Latvia // *Language Policy*. 2006. № 5. P. 313–333.
18. *Hogan-Brun G.* Language policies and practices across the Baltic: processes, challenges, prospects // *European Journal of Applied Linguistics*. 2013. № 1. P. 55–82.
19. *Kruk S.* Television Changing Habits: TV Programming in 1960s Soviet Latvia // *Modernization, nation-building, and television history*. Abington-New York, 2015.
20. *Krūma K.* Country report on citizenship law: Latvia. Florence, 2015.
21. *Krūma K.* Latvian integration policy: Lost in translation // *A Re-definition of Belonging? Language and Integration Tests in Europe*. Leiden-Boston, 2010. P. 241–266.
22. *Kuczyńska-Zonik A.* Non-citizens in Latvia: Is it a real problem? // *Nationalities Affairs*. New series. 2017. № 49.
23. *Laitin D.* Identity in formation. The Russian-Speaking Populations in the New Abroad. Ithaca, 1998.
24. *Lerhis A., Kudors A., and Indāns I.* Ārvalstu ietekme uz sabiedrības etniskās integrācijas procesu Latvijā. Rīga, 2007
25. *Loader M.* Restricting Russians: Language and immigration laws in Soviet Latvia, 1956–1959. *Nationalities Papers*, 2017. 45 (6). P. 1082–1099.
26. *Metuzāle-Kangere B., Ozoliņš U.* The language situation in Latvia 1850–2004 // *Journal of Baltic Studies*. 2005. № 3. P. 317–344.
27. *Pavlenko A.* Russian as a lingua franca // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2006. № 26. P. 78–99.
28. *Rozenvalds J.* The Soviet Heritage and Integration Policy Development Since the Restoration of Independence // *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges*. Riga, 2010. P. 33–61.
29. *Sasse G.* Ukraine: The role of regionalism // *Journal of Democracy*. 2010. № 3. P. 99–106.
30. *de Swaan A.* Words of the World The Global Language System. Cambridge Policy Press. 2001.

31. *Šulmane I.* The media and integration // How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges. Riga, 2010. P. 223–253.
32. *Šūpule I., Bebrīša I., Kļave E.* Latvijas nepilsoņu integrācijas procesa analīze / Analysis of integration of Latvian noncitizens. Rīga: Baltic Institute of Social Sciences, 2014.
33. *Vanags E., Krastins O.* et al. The Improvement of Statistics and Social-Economical Development of Territories in the Context of the EU // Main Research Directions of Economics and Law Science in 2003. Riga, 2004. P. 163–173.
34. *Volkov V.* «The Russian Community» as a Means of Self-identification of Russians in Latvia // Proceedings of the Institute for European Studies. 2009. № 6. P. 104–123.
35. *Zabrodskaja A.* Morphosyntactic contact-induced language change among young speakers of Estonian Russian. // Studies in Language Variation. 2013. № 12. P. 77–104.
36. *Zabrodskaja A.* Russian-Estonian code-switching in the University // Arizona Working Papers in SLA & Teaching. 2007. № 14. P. 123–139.
37. *Zepa B.* Citizenship, official language, bilingual education in Latvia: Public policy in the last 10 years. 2003. URL: <http://pdc.ceu.hu/archive/00001163/01/bilingvalaIzglitiba10g.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).
38. *Zepa B.* The changing discourse of minority identities: Latvia. Riga, 2006.